

и написал к нему в них сице: „Приими Сергей вечное сие Евангелие, не мною, но перстом божим писано“». ¹⁹ Последователи Сергия не только начали «любити» эти «спорные письма» Аввакума и «веровати по ним», но еще «и образ начаша творца тех писем на иконе писати» и поклоняться ему. ²⁰ Эти сведения подтвердил митрополит Дмитрий Ростовский, писавший, что раскольники «еретика Аввакума, роспопу проклятаго» стали «в святых почитати, образу его поклонятися...», «икону его пишут». ²¹ Едва ли можно сомневаться в том, что икона Аввакума первоначально восходила к его автопортрету. ²²

В своих религиозно-философских рассуждениях о природе божества, предложенных в «Евангелии вечном» и других сочинениях, Аввакум повторял те же самые принципы единства «духовного» и «телесного», какие он обычно прилагал к истолкованию природы человека. Для него важнейшим признаком божества являлось сочетание в «сугубой» природе Христа божественной одухотворенности и телесной человечности: «плоть и душа, обожен человек» (645), «Христос глаголется — бог не наг, а человек не прост» (646). Размышляя о «божественном», Аввакум замечал, что «существо и естество и образ едино есть» (632). Такое понимание «единства» природы божества исключало для него представление о возможности его грубого «очеловечения»: «не человекообразно божественное!» (612).

С другой стороны, и внешность человека не должна была утрачивать тех символических признаков, которые роднили его с божеством: «...людие, чюдитесь безобразству нашему, плачьте ... вси погубивши в себе образа господню красоту...» (244). Порывы традиционно-покаянных самообличений приводили автора к признанию утраты им этого «образа», понимаемого опять-таки в единстве внутренних своих качеств и внешних признаков: «Беседа человека грешна, человека безообразна... человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия господня» (241), — так начинал Аввакум свою «Книгу бесед».

Перед нами, таким образом, комплекс точно обозначенных, внутренне единых и полярно ориентированных (негативных и позитивных) представлений Аввакума об «образе» христианина (святого, священника, мирянина), представлений, органически слитых с общими основами его народно-религиозного мировоззрения. «Образ» человека не отделялся в сознании Аввакума непреодолимой преградой от «образа» бога. Через такое «подобие» одного из них другому представлению автора о социально-типической (или, как ему казалось, религиозно-символической), обусловленной «житием», внешности человека сочетались с его взглядами

¹⁹ Сказания о расприх, происходивших на Керженке из-за Аввакумовых догматических писем (1710 г.). — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. Субботина. Т. VIII. М., 1887 (далее: Материалы... т. VIII, стр. 238—239).

²⁰ Материалы, т. VIII, стр. 242, 260, 283. Старообрядческие иконы имели портретный характер. Так, «иконописное изображение Даниила Викулина и Андрея Денисова являются их портретами, как то можно установить по гравированным изображениям обоих, исполненным в XVIII в.» (В. Г. Дружинин. К истории крестьянского искусства XVIII—XIX вв. в Олонецкой губернии. — Известия АН СССР, 1926, оттиск, стр. 1482).

²¹ Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745, ч. I, лл. 20, 28 об.; ч. III, л. 36 об. (далее: Дмитрий Ростовский).

²² Заслуживает изучения вопрос о создании славянскими автобиографами живописных автопортретов; ср. автопортреты болгарина Софрония Врачанского, один из них — при автографе его «Жития» (см.: Боню Ст. Ангелов. Образи на Софроний Врачански до Освобождението. — Известия на Института за изобразителни изкуства. БАН, София, 1961, стр. 5—16).